

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Эмили Маккей
ВСЕ, ЧТО ОНА
ХОТЕЛА

027

Содлазнь

 HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Эмили Маккей

Все, что она хотела

«Центрполиграф»

2013

Маккей Э.

Все, что она хотела / Э. Маккей — «Центрполиграф»,
2013 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-04445-7

Далтон Кейн всю свою жизнь посвятил семейной компании, и он не позволит отцу лишиться себя любимого дела. В этом ему может помочь одна замечательная женщина, вот только вновь завоевать доверие Лэйни Фортино будет не так-то просто, ведь Далтон уже однажды от нее отказался, и теперь она считает его бессердечным ублюдком. Но, встретив ее вновь, Кейн клянется завоевать сердце любимой женщины.

ISBN 978-5-227-04445-7

© Маккей Э., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмили Маккей

Все, что она хотела

Пролог

Пережив третий сердечный приступ в шестьдесят семь лет, Холлистер Кейн оказался на самом пороге смерти. Вот только он наотрез отказывался умирать и теперь выздоравливал, цепляясь за жизнь с той же решимостью, с которой на протяжении уже сорока пяти лет руководил империей Кейнов.

А его родные примчались к нему, побросав все свои дела, вовсе не из-за любви к сему достойному человеку. Все дело в том, что жена, с которой они уже давно жили отдельно, трое сыновей, два законных и один внебрачный, и даже его бывшая невестка, узнав о его состоянии, просто не смогли поверить, что этот человек, создавший целую финансовую империю и так властно определявший их жизнь, оказался всего лишь простым смертным.

Полтора месяца назад, сразу же после сердечного приступа, кабинет Холлистера на первом этаже его дома в фешенебельном районе Хьюстона превратили в образцовую больничную палату, убрав из помещения резной стол красного дерева, кожаные кресла и эдвардианский бар в форме полумесяца.

Несмотря на три сердечных приступа, два коронарных шунтирования и отказ печени, Холлистер все еще считал, что длительное пребывание в больнице не для него.

Далтон практически бесшумно вошел в комнату, но Кейн его все равно услышал и, приоткрыв глаза, хрипло выдохнул:

– Ты опоздал.

– Конечно, опоздал. Я же с совета.

Отец прекрасно понимал, что совет директоров «Инноваций Кейна» уже более двадцати лет собирался по понедельникам в восемь часов. Далтону иногда даже казалось, что Холлистер нарочно заставляет его разрываться между компанией и семейными обязательствами, как будто ему нужно лишний раз напоминать, что руководство «Инновациями Кейна» требует полной отдачи и всегда должно стоять на первом месте.

– Хорошо. – Холлистер дрожащей рукой потянулся к пульту управления кроватью. Казалось, что ему едва хватает сил нажать кнопку, для того чтобы приподнять изголовье кровати.

Изголовье неторопливо приподнялось, как бы подражая медлительности Холлистера, и, пока отец устраивался поудобнее, Далтон еще раз осмотрел комнату. Неподвижно замершая мать сидела рядом с кроватью, рядом стоял уставший Гриффин, самый младший из братьев, только вчера вернувшийся из Шотландии. С другой стороны кровати стояла Порция, его бывшая жена, которая явно чувствовала себя как дома среди этих людей. В отличие от него Порция относилась к тем немногим людям, которые одновременно нравились и Холлистеру, и Каро. Именно поэтому она так надолго задержалась в этом доме после их развода. И наконец, в самом углу примостился отстраненно глядящий в окно Купер Ларсен, внебрачный сын Холлистера.

Купер даже не взглянул на Далтона, впрочем, он и отца не удостоивал своим вниманием. Безучастный вид Купера Далтона не удивил, а вот само его присутствие заинтересовало, ведь он уже давно отделился от их семьи. Чтобы Холлистер позвал его, а Купер соизволил откликнуться на призыв, должно было случиться нечто поистине ужасное.

Когда изголовье кровати наконец-то поднялось, судя по показаниям кардиомонитора, Холлистер был полностью измотан, но взгляд его оставался таким же сосредоточенным и решительным. Холлистер потянулся к прикроватному столику, но Каро Кейн опередила его и поднесла мужу стакан с водой, но тот лишь нетерпеливо отмахнулся от навязчивой заботы и схва-

тил конверт, лежавший рядом со стаканом. Безуспешно попытавшись вытащить содержимое конверта непослушными пальцами, он протянул его жене.

– Читай, – приказал он, слабость голоса ничуть не нарушила его уверенности в себе.

Каро явно не ожидала такого развития событий, но все же, слегка нахмурившись, достала сложенную вдвое бумагу. Еще раз взглянула на мужа, который лежал с закрытыми глазами, сложив руки на груди, и начала громко читать:

– «Дорогой Холлистер, недавно я узнала, что вы серьезно больны и уже вряд ли поправитесь. Можно с радостью констатировать, что слуга дьявола наконец-то вернется к своему хозяину в преисподнюю. Перед тем как критиковать выбранные мной слова, позвольте заметить, что мне стоило огромного труда удержаться и не назвать вас самого дьяволом. Как видите, теперь я уже не та наивная дуручка, как вы однажды изволили выразиться». – Каро остановилась и удивленно подняла глаза: – Это какая-то шутка?

Холлистер фыркнул и махнул рукой, приказывая продолжить чтение.

– «Я допускаю, что вы могли забыть эти слова, но позвольте вас заверить – я никогда о них не забывала. Ни на одну минуту. Вы произнесли их сразу же после того, как покинули мою...»

Голос Каро прервался, письмо упало ей на колени.

– Что происходит? – спросил Гриффин, придвигаясь к матери. – Зачем ты нас позвал? Чтобы унижить маму?

– Читай дальше, – велел Холлистер, не потрудившись даже открыть глаза.

– Я прочитаю. – Гриффин потянулся за письмом.

– Нет! – рявкнул Холлистер. – Каро.

Каро взглянула на Гриффина, затем на Далтона, а потом подняла письмо. Гриффин ободряюще сжал плечи матери.

– «Ваши слова были сказаны с такой бессмысленной жестокостью, что я годами молила судьбу о возможности ранить вас столь же глубоко, как вы ранили меня. И вот наконец после всех лет ожидания этот час настал.

Я знаю, как вы заботитесь о своей крохотной империи, как любите повелевать всеми в своем ничтожном царстве, как вы распоряжаетесь... – здесь голос Каро прервался, и ей пришлось сглотнуть, перед тем как продолжить, – и держите в узде свою семью...»

Решив, что с него хватит, Далтон шагнул вперед и выхватил письмо из рук матери. Возможно, Холлистер просто не понимает, как тяжело ей читать эти строки, но, скорее всего, его просто не волнуют такие мелочи.

Далтон пробежал письмо глазами, а затем бросил его отцу на кровать. Строки были насквозь пропитаны ядом и ненавистью, так что он просто не мог их долго держать, даже удивительно, что, приземлившись прямо отцу на грудь, этот сгусток негатива не прожег в нем дыру, ведь его явно писали с целью добить больного. Но Холлистер пока еще не собирался умирать, так что Далтону не оставалось ничего иного, кроме как коротко пересказать содержание этого письма собравшимся, чтобы им самим не пришлось читать эту гадость.

– Она утверждает, что родила Холлистеру дочку, пропавшую наследницу, как она выражается. И при этом отказывается говорить о ней что-либо конкретное, считает, что для Холлистера это известие станет своеобразной пыткой. Ведь он теперь знает, что у него есть дочь, но уже никогда ее не увидит.

Купер заговорил, даже не взглянув в их сторону:

– Значит, старик наплодил еще ублюдков? А мы тут при чем?

Далтон был полностью с ним согласен, ему хватало забот и с руководством «Инновациями Кейна».

– Я хочу, чтобы вы ее нашли, – пояснил Холлистер.

– Чтобы я нашел? – уточнил Купер.

– Все вы.

Отлично, именно этого-то Далтону как раз и не хватало. Еще ответственности.

– Думаю, мы сможем найти частного детектива, который специализируется на подобных делах, – обреченно предложил Далтон.

– Никаких детективов, это против правил.

– Каких еще правил? – удивился Гриффин. – Хочешь, чтобы мы ее нашли? Мы найдем, но это не игра.

– Не игра, – согласился Холлистер, – испытание.

– Ну конечно, – усмехнулся Купер, – а для чего еще меня можно приглашать? Только для того, чтобы я в очередной раз доказывал, что я достоин чести быть твоим сыном.

– Не глу... – Холлистер так закашлялся, что, казалось, его вывернет наизнанку. – Не глупи. Это испытание для всех вас.

– Правила правилами, но мне есть чем заняться и я не собираюсь бегать перед тобой на задних лапках, – заметил Гриффин, – так что на меня можешь не рассчитывать. Мне неинтересно.

– И мне тоже, – добавил Купер.

– Это мы еще посмотрим.

Холлистер произнес эти слова с такой всепоглощающей уверенностью, что Далтон почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Пусть отец и ослаб, пусть он даже умирает, но Далтон уже давно убедился на собственном опыте, что Холлистер говорит с такой уверенностью только тогда, когда он готов отвечать за свои слова.

Как бы прочитав мысли сына, Холлистер посмотрел на него слезящимися голубыми глазами.

– Вам всем будет интересно. Тот из вас, кто найдет пропавшую наследницу, получит «Инновации Кейна».

Да, это определенно меняет дело. Далтон, конечно, всегда знал, что отец мерзавец, но это? Нет, такого он даже от него не ожидал. Далтон всю свою жизнь посвятил компании, так что так просто от нее не откажется.

– А если мы ее не найдем? – невольно спросил он.

В комнате воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием Холлистера.

– Тогда все мое состояние достанется государству.

Глава 1

– Этому не бывать, он никогда так не поступит, – заметил Гриффин, открывая дверь своей квартиры и пропуская Далтона внутрь. – «Инновации Кейна» значит для него не меньше, чем для нас.

– Если бы речь шла о ком-нибудь другом, то я бы с тобой согласился. Но только не отец. Он не шутит, и ты это прекрасно понимаешь.

После того как они с Порцией развелись, Далтон купил квартиру в том же доме, где жил Гриффин. Вышло дороговато, зато близко от работы и не пришлось возиться с риелторами.

В обстановке преобладали светлая кожа и хром. Дорого, современно, но, на вкус Далтона, излишне броско. Впрочем, обстановка его квартиры в духе «меня выгнали из родного дома» вряд ли лучше.

Гриффин сразу направился к бару:

– Будешь?

– Еще и двенадцати нет, – возразил Далтон, взглянув на часы.

– Да, вот только после папочкиных откровений мне просто необходимо выпить.

– Ладно. – С этим не поспоришь. – Мне скотч.

Гриффин закатил глаза, всем своим видом показывая, что Далтон – идиот, а затем вытащил парочку бутылок, разумеется, скотчем в них и не пахло, и принялся за изготовление коктейля.

– Как, по-твоему, он может так сделать по закону?

– К сожалению, скорее всего, да. Конечно, все совместно нажитое имущество останется матери: дома, машины, деньги, вот только акции компании принадлежат только ему, и он может делать с ними все, что захочет. Раньше он собирался поделить их между нами троими, а вот что он теперь учудит, я даже и представить боюсь.

– Но ты теряешь больше всех. Что собираешься делать?

Далтон стянул пиджак, бросил его на диван, тяжело вздохнул, уселся и потер лицо руками. Конечно, он теряет больше всех. Он всю жизнь шел к тому, чтобы стать образцовым генеральным директором «Инноваций Кейна». Детские хобби, факультативные занятия в школе, колледж, даже женитьба на Порции – все это было завязано на одну единственную цель, на «Инновации Кейна». И теперь он не позволит отцовской прихоти все испортить.

– Можно подождать пока этот ублюдок наконец-то сдохнет, а потом обратиться в суд.

– Отличный план, – согласился Гриффин, закрывая шейкер и хорошенько его встряхивая. – Тогда все его акции ближайшие лет десять не достанутся никому.

– Если бы он уже не был при смерти, то я сам бы его с удовольствием прикончил, – простонал Далтон.

– А я бы помог, – усмехнулся Гриффин, бросая в стаканы кубики льда и наливая свою адскую смесь. – Впрочем, все не так уж и плохо. Совет директоров любит тебя, так что даже если все акции отца отойдут государству, а контрольный пакет лично ему не принадлежит, то совет, скорее всего, и так решит назначить тебя генеральным директором.

– Угу, а ты останешься вице-президентом отдела международных отношений.

– Да, было бы замечательно.

Они оба прекрасно знали, что Гриффину досталась непыльная работенка с отличной зарплатой, о которой в другом месте ему и мечтать бы не пришлось.

– Нет, конечно, ты слегка обеднеешь, но все же останешься генеральным директором «Инноваций Кейна», – продолжил Гриффин, разрезая лайм и выжимая по дольке в каждый стакан, а затем украшая их еще одной долькой сверху.

– Если бы все сложилось так, как ты говоришь, то я бы не возражал, – вздохнул Далтон, принимая протянутый стакан с бледно-зеленой смесью. – Что-то на скотч не похоже.

– Я два года учился смешивать коктейли в колледже. Я способен на большее, чем просто налить скотч из бутылки в стакан.

Далтон осторожно глотнул. Напиток оказался на удивление приятен, не такой сладкий, как «Маргарита», но при этом способный хорошенько встряхнуть взрослого мужчину, которого и так уже сегодня неплохо встряхнули.

– Да, совет вполне может меня оставить, хотя куда вероятнее, что эти акции перекупят наши конкуренты, допустим «Шепард капитал», меня уволят, а компания потихоньку развалится.

– За любимого папочку, – горько усмехнулся брат, поднимая бокал.

Далтон чокнулся и выпил, надеясь, что это пойло свалит его с ног. Они с Гриффином никогда не были особо близки, для этого Холлистер слишком активно разжигал в них дух соперничества. Ведь даже сейчас они вынуждены соперничать друг с другом, хоть и взаимно питали отвращение к родителю.

– Ты будешь ее искать? – Далтон просто не мог этого не спросить.

– И не подумаю, зачем мне акции? – скривился Гриффин.

– Я просто спросил. Вот только мы забыли, что Купер может ее найти.

Да, похоже, Куперу в этом уравнении досталась роль неизвестного. Когда Далтону было семь лет, а Гриффину – четыре, Холлистер привел пятилетнего Купера и представил мальчика как еще одного своего сына. С тех пор он приезжал к ним на лето, пока не умерла его мать. Куперу тогда было шестнадцать. Следующие два года он прожил с ними вместе, перевернув всю их жизнь с ног на голову, а потом отправился в колледж. Особой привязанности между ними так и не возникло.

– Купер развалит компанию ничуть не хуже, чем Грант Шепард.

Это точно, Далтон задумчиво уставился в стакан. Если Купер отыщет наследницу, то о «Инновациях Кейна» придется забыть.

Гриффин разлил по стаканам очередную порцию коктейля.

– И как же ты собираешься искать нашу загадочную сестренку?

– В том-то и вопрос. Холлистер изменял матери направо и налево, так что нам надо если и не найти отправительницу письма, то хотя бы свести к минимуму число возможных женщин.

– Точно подмечено, он всегда тащил в койку кого попало.

– Да, так что матерью может быть практически кто угодно.

– Да, любой штат, любой бар, любая женщина.

– Ты забыл про любую страну.

Купер вырос в Вейле, но Далтон как-то подсчитал – в семь лет он очень любил считать, – что в нужное время отца и близко не было от Колорадо. Тогда он катался на лыжах в Швейцарии. А зная, что мать Купера была лыжницей олимпийского уровня, Далтон решил, что они там и познакомились.

– Отследить всех женщин, с которыми он переспал в подходящее время, просто нереально, – продолжил Далтон свои измышления вслух, – а ведь мы даже не знаем, когда это было.

– А ты, случайно, не разглядел почтовый штемпель на письме?

– Разглядел. Штемпель местной почты, обратного адреса не было. Похоже, она не хочет, чтобы ее нашли. Так что она может жить и где-то поблизости, и где-нибудь в Торонто. Нужно искать не тех, с кем он переспал, а ту, которая его достаточно ненавидела, чтобы так ему отплатить.

Гриффин изобразил задумчивость, а потом пожал плечами:

– Это может быть кто угодно.

– Нет, – Далтон покачал головой, – говори что хочешь, но все же отец – очаровательный ублюдок, этого у него не отнять. Так что все случайные романы на одну ночь можно смело отбросить. Эта женщина должна была действительно хорошо его знать, чтобы так сильно ненавидеть. – Далтон поднялся и взял пиджак.

– На тебя нашло озарение?

– Типа того. Если отца кто-то так сильно ненавидит, то об этом должна знать миссис Фортино.

– Бывшая экономка?

– Именно. Она всегда знала обо всем, что случалось в нашем доме. Она наверняка знает все, что мне нужно.

– Она уволилась пять лет назад – думаешь, сможешь ее отыскать?

– Наверняка она до сих пор в Хьюстоне.

– А знаешь, у кого стоит спросить про миссис Фортино? – спросил Гриффин, когда Далтон уже направился к выходу.

– Знаю, у матери.

– Тоже неплохо, но я подумал про Лэйни.

Далтон обернулся и удивленно взглянул на брата.

– Ты же помнишь Лэйни? Внучку миссис Фортино, она жила с нами, пока училась в школе.

– Да, я помню.

– Пару лет назад она вернулась в Хьюстон, я ее как-то встретил, когда собирал деньги для Тисдейла, она теперь там преподает.

– А я и не знал.

– Забавно получилось, у меня даже как-то представить не получается, как такая взрывная девица может учить первоклашек в католической школе.

– Люди меняются.

Далтон снова направился к двери, но Гриффин опять его остановил:

– Странно, что ты этого не знал, ты жеходишь в их совет?

– Да, но только номинально, мы ведь столько вкладываем денег в эту школу, что они просто не могли не предложить мне этот пост. – Далтон вытащил телефон и уставился на дисплей, сделав вид, что читает сообщение. А затем слегка помахал телефоном в воздухе, намекая, что его ждут дела. – До встречи.

И перед тем как брат успел еще что-либо сказать, поспешил к лифту.

Далтон мог бы отправиться на работу, дел у него еще было немерено, вот только он направился напрямик к себе, чтобы побыстрее начать поиски Матильды Фортино. Что-то ему подсказывало, что поиски пропавшей наследницы стоит начать именно с нее.

Вот только спешит ли он на поиски ради незнакомой сестрицы или ради Лэйни? Вот в чем вопрос.

Конечно, Далтон знал, где Лэйни или, точнее, где она работает. Где она живет, он еще не успел узнать. В общем, с ним все понятно.

Ведь Далтон не просто знал, где она работает, но после того, как увидел ее заявление, еще и лично проследил, чтобы ей досталась эта работа. В конце концов, она – старый друг семьи. Тогда он еще был женат на Порции, а фантазии о Лэйни его посещали еще и в юности. Но теперь, когда после развода прошел уже почти год, а все его будущее висело на волоске, он даже не мог решить, что его волнует больше – пропавшая наследница или Лэйни.

В три часа дня Лэйни Фортино стояла перед начальной школой Тисдейл и молча проклинала неистово палящее солнце, опаздывающих родителей, Далтона Кейна и туманность предсказаний из печенья.

Вчера ей досталось такое предсказание: «Вас ждут перемены». А сегодня ей принесли записку от секретаря, в которой говорилось, что Далтон Кейн хочет поговорить с ней после занятий.

Так что предсказание сбылось, впервые в ее жизни, вот только ничего хорошего в этом не было. Разве нельзя было написать: «С вами встретится Далтон Кейн»? Или еще лучше: «Вас ждут перемены, так что завтра непременно наденьте сногшибательные каблуки и платье от Бетси Джонсон. И белье посексуальнее»?

Конечно, она никогда бы так не вырядилась в школу, слишком много приходится нагибаться, а если бы печенье прямо бы говорило о Кейне, то еще и купила бы билет куда-нибудь на Таити и теперь преспокойно бы себе летела над океаном, ни о чем не волнуясь.

А вместо этого она печется под октябрьским солнцем в дешевом платье, носках и стоптанных кроссовках и дожидается, когда опоздавшие родители заберут своих деток.

Не то чтобы ее сильно волновало, в каком виде она предстанет перед Далтоном Кейном, в конце концов, одежда значит не так уж и много. Ладно, может, ее и не волнует, как она выглядит, но ее волнует, что Далтон подумает о том, как она выглядит. Первое впечатление очень важно.

Ведь есть лишь одна причина, по которой один из богатейших и влиятельнейших людей Хьюстона ищет с ней встречи. Он выяснил, что бабуля стащила у его семьи почти миллион долларов. Лэйни узнала об этом лишь год назад, когда ей поручили опеку над бабушкой, и с тех пор ее неотрывно преследовало чувство вины, но она не знала, что ей делать с этими деньгами. Они просто не могли достаться бабушке законным путем. Лэйни примерно знала, сколько денег было у нее на счете, когда она закончила школу, и прекрасно понимала, что те крошечные сбережения ни при каких обстоятельствах не могли превратиться в миллион за десять лет.

Значит, бабушка украла этот миллион у Кейнов.

Лэйни не решалась обратиться в полицию, конечно, там вряд ли будут преследовать пожилую женщину с болезнью Альцгеймера, но если она ошибается? Так что рисковать нельзя, да и к Кейнам с этим делом не пойдешь. Холлистер всегда был жесток и мстителен, а Каро ничем не лучше. Так что как ни крути, а бабуля оказалась бы в тюрьме при любом раскладе.

Лэйни даже не могла вернуть эти деньги, потому что бабушка внесла их в счет своего пребывания в доме престарелых. Так что она знала о преступлении, но никак не могла его исправить, а теперь, похоже, и Далтон Кейн обо всем узнал. И теперь он потребует либо суда над беззащитной восьмидесятитрехлетней старушкой, либо возврата денег. Но не один из вариантов ее не устраивает, так что нужно тщательно продумать свою игру.

Лэйни очень сильно изменилась за те десять лет, что Далтон ее не видел. Раньше она напялила бы на себя вызывающий наряд, потребовала бы позвать полицию, а по пути в тюрьму поливала бы его оскорблениями. Вот только она изменилась.

За последние десять лет Лэйни стала намного сдержаннее и скромнее, теперь она работала учительницей. Так что, может, и неплохо, что она сегодня так спокойно и неброско одета.

Стоило ей только об этом подумать, как из-за угла вынырнула машина. Каким-то образом Лэйни сразу поняла, что за рулем сидит Далтон.

Машина остановилась, и из нее вылез Далтон. Лэйни сразу его узнала, хотя последний раз видела больше десяти лет назад. Ведь как только ей стукнуло восемнадцать лет, она уехала от бабушки. Далтон посмотрел на нее поверх солнечных очков, как бы спрашивая, она ли это, так что Лэйни слегка махнула рукой, приглашая подойти.

– Мисс Фортино, мне больно, – запищала Элли, оставшаяся последней.

– Что? Ой, прости, пожалуйста. – Лэйни ослабила хватку и потеряла руку девочки.

– Кто это? – спросила Элли, подозрительно разглядывая незнакомца. – Он вам помахал, нужно позвать директора.

– Не надо. – Черт, этого еще не хватало. У ворот наконец-то показалась машина мамы Элли. – Это мой старый знакомый.

Далтон сто лет не видел Лэйни Фортино, но сразу ее узнал. Эти волосы цвета воронова крыла, свободно спадающие на плечи, чувственные движения, алебастровая кожа, очаровательная улыбка, свободное платье с цветочным узором...

Лэйни держала за руку девочку, и та без умолку что-то болтала, показывая на подъезжающую машину. Засмотревшись на Лэйни, Далтон на секунду остановился, чувствуя, как его переполняет желание. Лэйни принадлежала к тем немногим женщинам, что из девочек, минуя обычную подростковую неуклюжесть, сразу превращаются в сексуальных богинь, и с радостью наслаждалась этой ролью, так злившей ее строгую бабушку и его родителей. Далтона она тоже раздражала, только он старался этого не показывать. Теперь же, когда ее женственность окончательно расцвела, ее красота стала намного притягательнее.

Раньше он еще сомневался, пошла ли Лэйни на пользу его помощь при устройстве на эту работу три года назад, сможет ли она укротить собственный темперамент и учить первоклашек в богатой частной школе со строгими порядками. Ведь в юности она презирала богатых лицемеров, а теперь сама учит их детей.

Глядя на нее в этом свободном платье, он никогда бы не догадался о ее неистовой натуре, но, когда она наклонилась к девочке, бретелька платья слегка съехала, и Далтон заметил татуировку на плече. Вот это уже похоже на правду.

Лэйни неодобрительно взглянула на него. Что ж, хоть что-то осталось по-прежнему, она все так же его ненавидит. В общем, это и не удивительно, учитывая, как он с ней обращался.

Лэйни что-то сказала девочке и погладила ее по руке. Весь ее облик казался невероятно женственным и изящным, но в ней не было и следа утонченности и элегантности. Далтон невольно сравнил ее с бывшей женой. Порция ни за что в жизни не надела бы легкомысленного платья в цветочек, не говоря уж о кроссовках. Они прожили вместе восемь лет, но Далтон что-то не смог припомнить, чтобы у его жены вообще была хоть одна пара кроссовок. И вообще, Порция скорее бы умерла, чем согласилась бы постоять перед школой за ручку с ребенком.

Лишь когда Лэйни усадила ребенка в машину, Далтон задумался, почему он, собственно, сравнивает ее с Порцией. Между ними нет ничего общего. С Порцией они когда-то были неразрывно связаны, а вот свои отношения с Лэйни он не взялся бы описать. Далтон в очередной раз задумался о том, зачем он, собственно, сюда приехал.

– Здравствуй, Лэйни, – поздоровался Далтон, подходя к ней.

– А, Далтон, – неуклюже выдавила из себя Лэйни.

Черт, вдобавок к дурацким кроссовкам она теперь еще и двух слов связать не может. Ну что за день!

А все из-за нервов, точнее, от страха. А то, что Далтон превратился в красавца-мужчину, от которого глаз оторвать невозможно, к делу не относится.

– Мы можем где-нибудь поговорить?

– Да, пойдем в мой класс. – Вот только вместо того, чтобы направиться к школе, Лэйни как дура стояла на месте и пялилась на Далтона. Все те же тонкие черты лица, те же полные губы, те же слегка выющиеся темные волосы.

А потом Лэйни поняла, что смотрит ему прямо в глаза, а он так же тщательно ее разглядывает, как и она его. Лэйни покраснела и быстро отвела взгляд.

– Хорошо выглядишь. – Он смотрел на нее все так же пристально.

Ну конечно! В дешевом платье и носках после длинного рабочего дня в школе. Ладно хоть чипсов в волосах нет, а то от детей всего можно ждать! Нет, она прекрасно знает, что сейчас хорошо выглядеть просто не может, во всяком случае так же хорошо, как он.

Но после такого дружелюбного приветствия Лэйни немного успокоилась. Может, он ничего не знает про деньги? Ведь если бы знал, то с этого бы и начал, ведь так? Но если он пришел не из-за денег, то что ему от нее нужно?

– Хочу предупредить, у меня мало времени, меня ждут дополнительные уроки, – заметила Лэйни, направляясь к школе.

Подойдя к двери, Лэйни обернулась и, увидев сразу за собой Далтона, от неожиданности споткнулась, но его крепкая рука не дала ей упасть.

Лэйни перевела взгляд с его руки на лицо. Далтон стоял так близко, что у нее перехватило дыхание. И как она могла забыть голубизну этих глаз? Такой необычный оттенок, яркий и насыщенный небесно-голубой цвет с примесью того синего, что можно увидеть лишь в ясный день у линии горизонта. Кейно-голубой, как шутила бабушка.

У Далтона Кейна небесно-голубые глаза. Ни на секунду нельзя забывать, с кем она имеет дело, ведь если этот человек захочет, то с легкостью сломает жизнь и ей, и бабушке.

– Что тебе нужно?

– А почему ты решила, что мне от тебя что-то нужно?

– Потому что если Кейн хочет с вами встретиться, то ему от вас что-нибудь нужно.

– А ты не слишком высокого обо мне мнения.

– Да, ты прав.

Даже смешно, что это она ему не доверяет, ведь у нее-то Кейны деньги не крали, а даже совсем наоборот. Но вот только что ей теперь делать? Отправить бабушку в тюрьму?

Вспомнив о деньгах, Лэйни сразу захотела поскорее со всем покончить.

– Хочу напомнить, что я выросла в вашем доме, так что неплохо себе представляю нравы вашей семьи.

– Ну ты даешь, – скривился Далтон, так старательно изображая раненые чувства, что Лэйни лишь с трудом сдержала улыбку.

Так, не поддаваться его чарам. Лэйни прекрасно знала, что Далтон может притвориться ее лучшим другом, а в следующую минуту полностью забыть о ее существовании. Больше она на его удочку не попадется.

– Не кривляйся. Мы не виделись десять лет, и раз уж ты хочешь со мной сейчас поговорить, то тебе определенно от меня что-то нужно. Так что хватит меня очаровывать, переходи сразу к делу.

– По-твоему, я очарователен?

– По-моему, мы оба отлично знаем, что при желании ты можешь быть чертовски очаровательным. – Лэйни закатила глаза. – В конце концов, ты сын своего отца.

Улыбка Далтона сразу поблекла.

– Ладно, хочешь знать, зачем я пришел? Мне нужно поговорить с твоей бабушкой.

Черт. Лэйни мгновенно насторожилась. Раз он хочет с ней поговорить, значит, он знает о деньгах. Может, у него нет доказательств? И поэтому он хочет с ней поговорить и выжать из нее правду? Что ж, она этого не позволит.

Ведь теперь Матильда Фортино даже в лучшие дни с трудом вспоминает, кто она такая, и это не говоря уж о худших. Кто знает, чем закончится их встреча? Бабуля может решить, что у него есть доказательства, и во всем признается.

Лэйни никогда не отступала перед трудностями, но теперь ей захотелось убежать куда-нибудь подальше и спрятаться.

– Так я могу встретиться с твоей бабушкой?

– Нет. – Лэйни понадеялась, что ответила достаточно решительно, и, юркнув в школу, поспешила захлопнуть за собой дверь.

Глава 2

Далтон едва успел удержать закрывающуюся перед ним дверь.

Лэйни безуспешно тянула за ручку с другой стороны, не сразу поняв, что случилось.

– Просто выслушай меня.

Похоже, Лэйни не станет его слушать, а просто захлопнет дверь у него перед носом. В конце концов, они оба знают, что ей есть чего опасаться. Когда она только поселилась в их доме, они, несмотря на разницу в возрасте, сдружились. Ей тогда было одиннадцать. И следующие два года она ни на шаг от него не отходила. А потом, за год до того, как она отправилась в колледж, Далтон безо всяких объяснений вычеркнул ее из своей жизни. Да, Лэйни есть за что его ненавидеть.

– Ладно, – вздохнула она, отпуская дверь.

– Спасибо. – Далтон шагнул в прохладный коридор и следом за Лэйни пошел в ее класс.

Он всегда считал, что умеет читать своих соперников, безошибочно определяя их настроение по языку тела и выражению лица, не зря же он столько лет изучал людей. Вот только сейчас Далтон и без всех этих ухищрений отлично видел, что Лэйни взбешена. Что же он такого успел сказать или сделать?

Он догнал ее, когда она уже заходила в какой-то класс. Они вошли в чисто прибранное помещение, которое, так же как и все здание в целом, явно нуждалось в ремонте. Далтон уже сто лет не был в начальной школе или, точнее говоря, двадцать один год и уже успел забыть, какое тут все маленькое. Парты едва доставали ему до колен, стульчики казались кукольными, у стены валялись пуфики, повсюду стояли коробки с карандашами и фломастерами, и только в углу примостился стол, рассчитанный на нормального человека.

Лэйни подошла к столу, погладила плюшевую сову, сидевшую у монитора, и только потом обернулась:

– Дополнительные занятия начинаются через пятнадцать минут, так что тебе лучше поторопиться с объяснениями.

Эти слова прозвучали очень сухо, казалось, что они застревают у нее в горле и она лишь с трудом их выдавливает. Из-за чего же она так бесится? Что-то он не припоминал, чтобы она раньше была такой нервной.

– Мой отец болен, – начал Далтон.

– Сочувствую, – ответила Лэйни таким тоном, что и дурак бы понял – здоровье Холлистера ей до лампочки.

– Не нужно.

– Что не нужно? – нахмурилась Лэйни.

– Притворяться, что волнуешься о нем. – Слова прозвучали слишком резко, а ведь он хотел слегка ее успокоить, наладить между ними связь. Может, она и не ненавидит Холлистера так же сильно, как и он сам, но любить ей его точно не за что.

Вот только заговорил он слишком холодно, точно пытался ее в чем-то обвинить, так вполне мог бы сказать отец. Ну почему он способен найти общий язык практически со всеми кроме Лэйни?

– Я... – Она нахмурилась еще сильнее. – Извини, я не хотела сказать ничего такого.

– Я понимаю.

Ну почему ему хочется столько ей сказать, но все это будет совершенно не к месту? Решив отбросить дальнейшие объяснения, Далтон просто протянул ей копию письма:

– Отец получил его неделю назад.

Лэйни удивленно переводила взгляд с Далтона на протянутую бумагу.

– А при чем тут моя бабушка?

– Прочти, пожалуйста, а потом я все объясню. – Это ему кажется, или ее голос слегка дрожит?

Лэйни кивнула и, все так же хмурясь, начала читать, но через пару секунд подняла глаза. Заметив, как пристально он за ней следит, Лэйни отвернулась и продолжила читать.

– Извини, но я все равно не понимаю, при чем тут моя бабушка.

– Холлистер Кейн хочет, чтобы мы нашли его дочку.

Лэйни вернула ему письмо и выдохнула, как показалось Далтону, с облегчением.

– А мать этой девочки хочет ее спрятать, – улыбнулась Лэйни.

– Да. – Далтон тоже улыбнулся. – Но мы говорим о Холлистере, и такие мелочи, как чужие желания, его мало волнуют.

– Подожди, ты же не думаешь, что... – Она резко шагнула назад. – Что это написала моя мать, а пропавшая наследница – это я?

На ее лице отразилось такое неприкрытое отвращение при одной этой мысли, что Далтон рассмеялся:

– Нет, конечно нет. Я же видел фотографию твоего отца, ты на него похожа как две капли воды.

Лэйни усмехнулась, и Далтону опять показалось, что сделала она это с облегчением.

– Точно. – Лэйни указала на свой нос. – Знаменитый нос Фортино, его ни с чем не перепутаешь.

Ничего не скажешь, выдающийся нос. Пусть большинство женщин и предпочли бы более миниатюрный, но этот крупный нос с благородной горбинкой очень гармонично сочетался с остальными чертами ее лица. Далтон вырос в том мире, где женщины боролись с любыми несовершенствами своего тела, как с тараканами, так что этот выдающийся нос всегда ему нравился. Вот только к делу это сейчас не относится.

– Нет, твоя мать тут ни при чем, но твоя бабушка была экономкой в доме Холлистера более тридцати лет. Мне кажется, что она может что-то знать.

– О любовных похождениях твоего отца? Что-то я в этом сомневаюсь, вряд ли она интересовалась такими вещами.

– Да, если бы она ими интересовалась, то у нее просто не хватило бы времени на прямые обязанности. Но она работала на отца дольше, чем большинство его подчиненных в «Инновациях Кейна», так что если кто-нибудь и знает о секретах моего отца, то только она.

Пока он говорил, Лэйни гладила плюшевую сову. На него она не смотрела, так что Далтон решил продолжать:

– Я посетил дом престарелых, но мне сказали, что без твоего согласия меня и на порог не пустят, а мне очень нужно с ней поговорить. Ты просто должна разрешить мне с ней встретиться.

– С твоей семьей меня больше ничего не связывает. И я тебе ничего не должна.

– Пожалуйста, позволь мне встретиться с твоей бабушкой.

– Нет. – Она выставила вперед руки, как бы заранее отменяя любые аргументы. – Она ничего не знает и ничем не сможет тебе помочь.

– Я заплачу.

– Конечно, заплатишь, ты же Кейн, а вы всегда готовы обещать горы золота.

– Конечно, я Кейн, но я не такой, как отец, и всегда держу свои обещания.

– А ты, оказывается, знаешь не только как обещать, но еще и выполнять обещанное?

Поздравляю.

– Как видишь, среди нас есть не только бездушные ублюдки.

– Это мы еще посмотрим. – Лэйни еще раз погладила сову и повернулась к нему. – Но к делу это все равно не относится. Я не согласна на вашу встречу не из простой прихоти, бабушка ничем не сможет тебе помочь.

– Позволь мне с ней поговорить, и пусть она сама мне об этом скажет.

– Все не так просто. У бабушки болезнь Альцгеймера, так что даже если она что-то и знала, она все равно не сможет тебе об этом сказать. Тебе незачем с ней встречаться.

Далтон попытался понять хоть что-то из ее ответа, но это у него не слишком получилось.

– Альцгеймера? – глупо переспросил он.

Лэйни не подняла глаз, и Далтон решил, что она пытается сдержать слезы.

Далтон задумался. Миссис Фортино – он всегда так ее называл, потому что мать строго следила, чтобы они соблюдали подобные формальности с работавшими на них людьми. Всегда строгая и суровая Матильда Фортино была единственным оплотом постоянства и неизменности в их вечно бушующем нервном мире.

Внезапно Далтон почувствовал руку Лэйни на своей руке и, подняв глаза, увидел, что она стоит с ним рядом.

– Ты не знал? – Эти слова лишь с трудом дошли до него через сумятицу, царившую в его мозгу после такого заявления.

– Нет.

– Извини, я подумала, что тебе объяснили, почему к ней нельзя посторонним.

– Нет, мне просто сказали, что я могу с ней встретиться только в твоём присутствии.

Лэйни погладила его по руке, как бы пытаясь поддержать и успокоить.

– Извини, – повторила она еще раз, – если бы я знала, что ты ничего не знаешь, то сказала бы это как-нибудь помягче.

Далтон поднял глаза и увидел, что она внимательно его изучает, необычные янтарные глаза широко раскрыты, а брови озабоченно нахмурены. Лэйни стояла так близко, что подол ее платья касался его ног, а ее грудь мерно вздымалась и опускалась всего в дюйме от его рук. Далтон глубоко вздохнул.

Он здесь не за тем.

Вот только никакая дыхательная гимнастика не поможет, когда с каждым вдохом втягиваешь в себя ее аромат. От нее пахло мелками и клеем. Такое незамысловатое сочетание сложно назвать притягательным, вот только сейчас Далтону так не казалось.

А к этому запаху примешивался аромат ее шампуня – фруктовый, свежий и простой.

Далтон едва не рассмеялся при этой мысли. Пусть у нее и простой запах, вот только чувства он к ней питает совершенно не простые. Он отлепился от стеллажа, на который опирался, и очутился к ней еще ближе. Лэйни резко отдернула руку и поспешно отступила к столу.

– Посторонние ее пугают – я про бабушку. Конечно, ты не совсем посторонний, но именно поэтому тебя к ней и не пустили. Доктор считает, что ей не стоит лишний раз волноваться.

Далтон чувствовал, как сгибается под весом сказанных слов, а когда еще раз посмотрел на Лэйни, то с удивлением увидел в ее взгляде то чувство, с которым на него смотрели не слишком часто. И уж тем более Далтон не думал, что после того, как он столько над ней издевался в юности, Лэйни так когда-нибудь посмотрит на него.

В тринадцать лет Далтон понял, что готов умереть ради Лэйни Фортино. А поняв, пустил в ход грубость, снисходительность и даже откровенную жестокость.

Так что он привык видеть в ее взгляде боль, веселый бунт, злость, но только не сочувствие.

Глава 3

Учитывая их непростые отношения, Лэйни следовало бы радоваться его страданиям. Может, со временем она забыла былое, а может... О, они же говорили о бабушке. Ну как она может не посочувствовать человеку, даже Далтону, переживающему за ее бабушку?

Ведь она так устала заботиться о бабуле одна, без отца, без братьев и сестер. Конечно, в доме престарелых о ней заботятся, но конкретно до нее там никому нет дела. А ведь Лэйни и самой просто необходима моральная поддержка, так что нечего удивляться, что она так размякла, когда увидела, что Далтон шокирован ее словами.

– Прости, я и не знала, что бабушка так много для тебя значит.

Далтон поднял глаза, по его лицу скользнуло удивление, и Лэйни сразу поняла, что ошиблась.

– Не важно, – добавила она и, чтобы скрыть раздражение от своей ошибки, стала подбирать валяющиеся на полу мелки.

Далтон молча за ней наблюдал, а потом заметил:

– Ты на меня сердишься.

– Нет, – выдохнула Лэйни, перекладывая книжку с картинками, – я сержусь на себя, ведь на какую-то секунду мне действительно стало тебя жаль, я даже забыла, что ты – Кейн. Холодный и бессердечный, как и все в вашем роду.

Лэйни нахмурилась, услышав собственные слова. Ну и кто сейчас холодный и бессердечный? Да она сама сейчас холодна, как полярный ледник. А ведь когда она дотронулась до его руки, то в его взгляде пылал настоящий жар, ошибиться она не могла. Ну и что ей теперь делать?

Но не успела она еще все это додумать, как Далтон заговорил:

– Ты действительно так обо мне думаешь?

Лэйни покачала головой и продолжила собирать мелки.

– Ну как мне думать о тебе? Я говорю, что у моей бабушки болезнь Альцгеймера, а ты изображаешь сочувствие, чтобы добиться моего согласия. – Лэйни посмотрела ему прямо в глаза, надеясь, что он со стыдом отвернется, но он ответил на ее взгляд. – А я и не думала, что ты такой мерзавец.

– Ты думаешь, мне не жаль твою бабушку? А ведь она очень много для меня значила.

Лэйни фыркнула, выковыривая маркер из-под стола.

– Не переигрывай, вежливого сочувствия вполне достаточно, не забывай, что истинный Кейн никогда не будет горевать из-за какой-то служанки.

– По-твоему, я даже не способен испытывать каких-либо чувств к женщине, заботившейся о нашем доме более тридцати лет? – холодно поинтересовался Далтон.

– Нет, по-моему, ты огорчился, что ничего от нее не узнаешь.

Лэйни замолчала, наконец-то поняв очевидное. Далтон хочет узнать что-то о делишках своего отца, а о деньгах ничего не знает. Можно выдохнуть. Вот только манипулировать собой она все равно не позволит.

– Я не верю, что тебя волнует судьба моей бабушки, она никогда не была заботливой и ласковой, так что даже я сама не питаю к ней особой любви. – Лэйни подошла к столу и взяла ключи. – Мои занятия начинаются через пять минут, – напомнила она, взяла сумочку, направилась к выходу и картинным жестом открыла дверь, уступая дорогу Далтону.

Он медленно подошел к ней, даже не потрудившись вытащить руки из карманов, и вместо того чтобы выйти в коридор, придвинулся к ней так близко, что Лэйни невольно попятилась и уперлась поясницей в дверную ручку.

Лэйни чувствовала, что от него исходит легкая угроза, может, он стоял слишком близко, может, для нее любое расстояние было слишком близким, а может, во всем виноват этот пристальный взгляд, отмечавший каждую неправильность ее черт.

Далтон неторопливо заговорил, как бы пытаясь утратить ее словами, вот только страха она не чувствовала, только какой-то необъяснимый трепет.

– Ну раз уж ты так настойчиво утверждаешь, что я плохой парень, то я и буду плохим парнем. По мне, так отличная роль.

– Я тебя не боюсь.

Далтон еще раз нарочито медленно осмотрел ее лицо, и Лэйни почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

– А следовало бы.

Наверное, он прав, ей следовало бы бояться, но страха не было. Лэйни выпрямила спину, как бы пытаясь придать себе уверенности, вот только при этом ее грудь оказалась всего лишь в волоске от груди Далтона.

– Возможно, вот только я теперь не та маленькая девочка...

– Слава богу.

– И Кейны надо мной теперь невластны.

Разумеется, это всего лишь наглая ложь, ведь если Далтон узнает о деньгах, то она окажется в его власти.

Лэйни протиснулась в коридор, хоть для этого ей и пришлось прижаться к Далтону грудью, и от этого прикосновения у нее напряглись соски и занял низ живота.

Она уже успела отойти на три шага, когда Далтон ее окликнул:

– А ты в этом точно уверена?

Лэйни продолжала идти по коридору.

– А как там поживает твой театр? – услышала она еще через десять шагов.

Ее шаги замедлились, а сердце, наоборот, бешено забилося. Он ничего не знает, просто не может знать. Наверняка просто о чем-то догадался по ее словам.

– «Сказочный театр», или как там его?

Черт!

Лэйни остановилась, крепко зажмурившись, этого он угадать уж точно не мог.

– «Лесной театр», – поправила она, обернувшись.

Он стоял все там же, руки в карманах, на лице наглая ухмылочка.

Лэйни потребовалось все ее самообладание, чтобы не броситься к нему и не вlepить пощечину, чтобы стереть эту ухмылку, а ведь еще пару лет назад она бы вряд ли сдержалась. Не то чтобы она была излишне агрессивна, просто сегодня явно не ее день.

– Я знаю, что это твое любимое детище, которому ты ежедневно посвящаешь два часа после основных занятий. В этом театре тридцать детей, и большинство из них неблагополучные, а многие учатся там только благодаря социальной программе. А еще я знаю, что все это целиком держится на субсидиях.

Он знал чересчур много.

Конечно, он во многом неточен, например, в ее театре тридцать два ребенка и половину из них, строго говоря, нельзя отнести к «неблагополучным». Хотя это слово ей никогда не нравилось. Ведь все дети, пришедшие к ней, имели нелегкую судьбу, и Лэйни как-то сильно сомневалась, что неприкаянным детям богачей повезло в жизни больше, чем беднякам.

– А ты, похоже, неплохо потрудились.

– А ты ожидала от меня меньшего?

– Нет. – Просто она ожидала удара с другой стороны. – Конечно нет. Ну чего еще ждать от Кейна? Разумеется, ты всегда готов найти больное место и нажать на него посильнее.

– А может, я не хочу быть таким Кейном, – возразил Далтон, его ухмылка на секунду поблекла.

– Тогда тебе, наверное, не следует угрожать моему театру.

– А может, я не угрожаю, – заметил Далтон, наконец-то отлепившись от двери. – Я как-то и не думал, что «Лесной театр» – твое слабое место. По-моему, это отличное начинание, я всегда ждал от тебя чего-то подобного.

– И?.. – Лэйни взглянула на него подозрительно.

– И я считаю, тебе и дальше нужно работать в этом направлении, вот только боюсь, с деньгами у тебя все не слишком гладко.

– Значит, все-таки угрожаешь.

– Вовсе нет. Считаю это обещанием. Если ты поможешь мне, я прослежу, чтобы у тебя было стабильное финансирование.

– Понятно, это не угроза, а взятка.

– Точно.

– И сколько ты предлагаешь?

– А сколько тебе нужно?

– Далтон, я серьезно спрашиваю.

– Я тоже. Ты хочешь, чтобы я полностью финансировал твою программу? Отлично, но сперва позволь мне поговорить с твоей бабушкой.

Лэйни не хотела соглашаться, не хотела подпускать Далтона к бабушке, не хотела впускать его в свою жизнь. Вот только предложение было слишком заманчивым, чтобы так просто от него отмахнуться. И дело даже не в деньгах, ведь деньги – это всего лишь деньги, и она всегда умела их находить. Нет, все дело в том, как он предлагал, – мало кто сумел бы отмахнуться от такого обещания. Так что если она откажется, то это будет слишком подозрительно. Кейн просто не в состоянии представить, как можно отказаться от денег, так что он захочет узнать ее мотивы, станет излишне любопытен, начнет копать и в итоге докопается до тех тайн, о которых ему знать не стоит.

Нет, раз уж ему так нужны старые скелеты в шкафу, то пусть лучше это будут скелеты его отца, а не ее бабушки.

– Ладно.

– Сколько денег ты тратишь за год?

– Сто тысяч долларов.

– На тридцать детей? Ты шутишь?

– Нет, раз уж ты собрался за меня платить, то я воспользуюсь отличной возможностью и найму себе помощника. – Не такая уж и плохая идея, но вообще-то ей просто хотелось отпугнуть его крупной цифрой. – К тому же так я смогу привлечь еще кучу детей.

– Слушай, не наглей, – попросил Далтон, хватая ее за руку.

– А почему нет?

Несмотря на уверенный тон, Лэйни лишь с трудом сдерживала дрожь. Как не избита фраза, но она действительно чувствовала, что играет с огнем. Она отчаянно старалась убедить себя в том, что заботится только о безопасности бабушки или, в крайнем случае, о деньгах для театра, но чем дальше заходила, тем яснее понимала, что ей просто нравится его дразнить, всегда нравилось. Ведь за все те годы, что они прожили под одной крышей – богатый надменный мальчишка и бедная вздорная девчонка, – ей так ни разу и не удалось вывести его из себя. Но бог ты мой, как же она любила его дразнить! Лучшее развлечение. И почему эта привычка так и не исчезла за все эти годы?

Лэйни посмотрела на его руку, державшую ее, потом подняла глаза, пытаясь не думать о всяких глупостях и вести себя серьезно. Кейны уже давно вычеркнули ее из своей жизни, а она вычеркнула их.

– Слушай, это тебе от меня что-то нужно, так что я не наглею, а просто пытаюсь защитить бабушку... – Ну хоть немного правды. – Ваша встреча ее расстроит, один плохой день – и потом она несколько недель будет приходить в себя.

Лэйни ждала, что он хоть как-то отреагирует на эти слова. Большинство людей или, точнее говоря, практически все избегали разговоров о болезни бабушки, а если не могли уклониться от этой темы, то отделялись неловкими междометиями и общими фразами, а Далтон просто молча не нее смотрел. Так что ей пришлось продолжать:

– Кроме того, у Кейнов куча денег, так что эта сумма для тебя не проблема. Так мы договорились?

– Договорились.

– Сто тысяч долларов за разговор с моей бабушкой?

– Да, – слегка скривившись, выдавил Далтон. – Когда ты освободишься? Я пришлю водителя, так что мы сможем сразу отправиться к твоей бабушке.

Лэйни сперва насмешливо фыркнула и лишь затем поняла – он не шутит.

– И не мечтай.

– Но ты согласилась.

– Я согласилась на вашу встречу только после того, как ты заплатишь мне кучу денег.

– Думаешь, я могу вот так запросто вручить тебе сто тысяч долларов? Все не так просто.

– Просто делай, как мы договорились.

– А о чем мы договорились? По-твоему, я просто должен вытащить пачку денег и отдать их на твой театр?

– Именно.

– Слушай, у меня не так уж много времени, мне нужны ответы.

– Я не сомневаюсь, что ты быстро со всем справишься.

Далтон прищурился, но спорить не стал. Лэйни с нетерпением ждала, что он вот сейчас-то обязательно отступится, но вместо этого он лишь кивнул.

Даже странно, что ей все так легко удалось.

– Последний вопрос. Зачем тебе все это? Я, конечно, всегда знала, что ты готов исполнять любые прихоти своего отца, но это уже переходит все границы. Зачем?

– Затем, что «Инновации Кейна» все еще принадлежат отцу, и если я не найду пропавшую наследницу, то могу навсегда потерять компанию.

Глава 4

Всего через каких-то двадцать часов Лэйни уже держала в руках стопку бумаг. Она задумчиво провела по ним пальцем:

– Так он действительно все сделал?

– Да. – Ее сосед Брендон снял очки и потер переносицу. – Насколько я могу судить, конечно, а как ты знаешь, я не слишком разбираюсь в таких делах.

Уютный коттедж, в котором она жила, находился недалеко от школы и принадлежал Брендону. Лэйни всегда подозревала, что под суровой личиной адвоката скрывается чуткий гей, но Брендон никогда не делился с ней подробностями своей личной жизни. И потом, Брендон принадлежал к тому типу соседей, которым нестрашно оставить запасные ключи, и не раз спасал ее от насекомых, даже как-то помог давить отвратительных пауков. А теперь еще и согласился оказать посильную юридическую помощь за бутылку вина, так что о лучшем соседе нельзя было и мечтать.

– Но ты адвокат.

– Вот только специализируюсь я на интеллектуальной собственности, – уточнил Брендон, наливая себе вина. – Но раз уж тебя так интересует мое мнение, мне действительно кажется, что он собирается передать эти деньги «Лесному театру».

– Понятно. – Лэйни испытывала противоречивые чувства.

Она как-то не рассчитывала, что Далтон так далеко зайдет, и не собиралась принимать его деньги. Ей казалось – если она придумает достаточно препятствий, то он отступится и оставит их в покое, вот только, похоже, она ошиблась. Настоящий Кейн никогда не пасует перед препятствиями, а дерется до конца. Жаль, что она раньше об этом не подумала.

Лэйни застонала и закрыла лицо руками:

– Во что я ввязалась? И зачем я только бросила ему вызов? Он меня теперь прикончит.

– Ты так говоришь, словно вы собрались драться не на жизнь, а на смерть.

– Ну как подсказывает мой опыт, с Кейнами обычно так и получается, а ты с этим не согласен?

Брендон неторопливо отпил из бокала и покатал вино на языке. Прямо настоящий ценитель... или человек, тщательно обдумывающий свои дальнейшие слова. А Лэйни достаточно хорошо его знала, и к ценителям он не относился.

– Если тебе есть что сказать, говори прямо.

– Ладно, по-моему, ты нарываешься.

– То есть мне не следовало во все это ввязываться?

– Нет, не совсем, просто... – Брендон еще раз глотнул вина, но на этот раз тянуть не стал. – Просто все эти суждения о Кейнах, суждения, что ты вынесла из детства, и...

– По-твоему, я их не знаю.

– Мне кажется, ты знаешь Холлистера Кейна, бездушного ублюдка, готового придушить родную мать.

– Но насчет Далтона я ошибаюсь – ведь ты это хотел сказать, да?

Брендон пожал плечами:

– С тех пор как он стал у руля, атмосфера в компании сильно переменилась. Нет, когда речь идет о делах, Далтон так же жесток и агрессивен, но в отличие от своего отца, манипулировать людьми исподтишка он не стремится. Холлистер Кейн без зазрения совести воровал чужие секреты, а если их пытались вернуть, то в наглую подавал в суд за нарушение интеллектуальной собственности, разумеется предварительно подкупив судью, чтоб уж точно остаться в выигрыше. А для завершения банкета на отсуженные деньги скупал акции своего соперника, так что тот мог сразу распрощаться с собственной компанией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.